

Еврейская одежда.

Между правительственными мѣрами, имѣвшими задачей своей парализованіе еврейской обособленности и устраненіе всѣхъ винѣшнихъ условій, благопріятствующихъ упроченію инородческаго сепаратизма, играли наиболѣе видную роль ограниченіе употребленія въ офиціальныхъ сферахъ еврейскаго языка и безусловное воспрещеніе ношенія еврейской одежды. До 1835 года евреи свободно обращались въ присутственныя мѣста и къ должностнымъ лицамъ съ прошеніями, составленными на древне-еврейскомъ языкѣ или на разговорномъ еврейско-нѣмецкомъ жаргонѣ. Какъ помнить читатели, первый приговоръ объ учрежденіи въ 1826 году въ Одессѣ еврейского училища былъ изложенъ на древне-еврейскомъ языкѣ и, тѣмъ не менѣе, послужилъ основаніемъ къ удовлетворенію высшей администрациѣ ходатайства одесского еврейскаго общества. Но правительство пришло къ убѣжденію, что заботы его о насажденіи въ средѣ русскихъ євреевъ общегражданскихъ понятій не увѣнчиваются желаннымъ успѣхомъ, если самобытность еврейскаго населенія найдетъ особенно яркое выраженіе въ национальномъ платьѣ и специфическомъ языкѣ. И вотъ, наряду съ обеспечивающей евреямъ самую широкую свободу вѣры 45 ст. I т. ч. 1 свода основныхъ государственныхъ законовъ, не допускающей никакого различія между пребывающими въ Россіи народами, „славящими Бога Всемогущаго разными языками по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ“, появились 955 ст. IX т. зак. о сост., въ силу которой „евреи во всѣхъ публичныхъ актахъ и во всѣхъ бумагахъ, подаваемыхъ или присыпаемыхъ ими мѣстамъ и лицамъ правительственнымъ, судебнѣмъ и полицейскимъ, должны употреблять языкъ русскій или тотъ, на которомъ въ мѣстѣ ихъ пребыванія дѣла производятся, но отнюдь не еврейскій“, и 522 ст. XI т. ч. II уст. торг., вмѣняющая евре-

ямъ въ обязанность „вести бухгалтерскія книги и вообще купеческія всякаго рода тетради и записки на русскомъ, польскомъ или нѣмецкомъ языкахъ“. Наконецъ, въ 1850 году послѣдовало повелѣніе объ отменѣ всѣхъ налоговъ, которыми раньше, въ силу положенія о коробочномъ сборѣ, облагались шитье и ношеніе еврейской одежды, отнынѣ совершенно запрещаемой, за исключеніемъ нѣкоторыхъ изъятій, допускаемыхъ для престарѣлыхъ евреевъ не менѣе 60-лѣтняго возраста и дѣтей моложе десяти лѣтъ. Изъятія эти и послужили поводомъ къ цѣлому производству, хранящемуся въ архивѣ бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернатора и озаглавленному дѣломъ „о воспрещеніи евреямъ носить особую еврейскую одежду, ермолки, пейсики и проч.“.

Прежде всего возникъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли считать головной уборъ самостоятельной частью костюма, требующей обложения. „Одесскій градоначальникъ — пишетъ 13 мая 1850 года въ рапортѣ своемъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ исправлявшій должность Новороссійскаго генералъ-губернатора генералъ-лейтенантъ Федоровъ — представляетъ, что по § 14 Высочайше утвержденного 19-го декабря 1844 года положенія о коробочномъ сборѣ съ евреевъ престарѣлые евреи, имѣющіе не менѣе 60-ти лѣтъ отъ роду, и малолѣтніе до 10-лѣтняго возраста освобождены отъ установленнаго денежнаго сбора за ношеніе еврейской одежды. Въ Высочайшемъ-же повелѣніи, изъясненномъ въ циркулярномъ разъясненіи вашего сіятельства начальникамъ губерній отъ 31-го января 1848 года, сказано: всѣ евреи, желающіе носить ермолки, облагаются постоянно податью по 5 р. с. въ годъ съ каждого въ пользу коробочнаго сбора. Затѣмъ ваше сіятельство предписали 2 сентября 1849 года, чтобы съ наступленіемъ 1850 года не препятствовать евреямъ, сохраняющимъ прежнее платье, употреблять оное изъ платежа установленной пошлины въ пользу коробочнаго сбора. Тайн. сов. Казначеевъ, по представленію одесской градской думы, испрашиваетъ разрѣшенія: престарѣлые евреи, достигшіе 60 лѣтъ послѣ издания въ 1844 году положенія о ко-

робочномъ сборѣ, а равно и малолѣтніе евреи до 10-лѣтняго возраста, должны-ли быть освобождены отъ уплаты особаго денежнаго сбора (по 5 руб. с. въ годъ) за право ношенія ермолокъ, если эти евреи будутъ носить и ермолки и вообще еврейское платье, или-же и они подлежать такому сбору. Объ изложенномъ представлениі одесскаго градоначальника донося на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе вашего сіятельства, пріемлю честь доложить, что Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ въ декабрѣ 1847 г., хотя опредѣлено облагать евреевъ за ношеніе ермолокъ 5-рублевымъ сборомъ, но какъ положеніемъ 19 декабря 1844 года престарѣлые и малолѣтніе евреи освобождены отъ сбора за ношеніе еврейской одежды, а ермолки составляютъ принадлежность ихъ собственной одежды, то я полагалъ-бы, что евреи, достигшіе 60 лѣтъ, и малолѣтніе до 10 лѣтъ не подлежать сбору за ермолки". По поводу этого рапорта послѣдовало разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ, сразу положившее конецъ всѣмъ толкованіямъ, такъ какъ „Государь Императоръ, по положенію комитета объ устройствѣ евреевъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: употребленіе особой еврейской одежды воспретить повсемѣстно съ 1 января 1851 года, предоставивъ генераль-губернаторамъ право въ тѣхъ слу-чаяхъ, когда они признаютъ нужнымъ, дозволить за опредѣленную плату *донашиватъ* еврейское платье престарѣлымъ евреямъ, кои, имѣя не менѣе 60 лѣтъ отъ роду, продолжали носить его понынѣ".

Такимъ образомъ вопросъ о безусловномъ воспрещеніи ношешенія еврейской одежды былъ разрѣшенъ радикально, и высшей администраціи приходилось только время отъ времени обсуждать ходатайства евреевъ, имѣвшихъ право на донашиваніе своихъ национальныхъ костюмовъ. Такихъ лицъ оказалось, однако, въ Новороссійскомъ краѣ очень мало. Первымъ возбудилъ ходатайство именовавшійся николаевскимъ раввиномъ военно-служащихъ Фроимъ Зельманъ Разумный, а за нимъ слѣдуютъ одесскій купецъ Моисей Цвибакъ, очаковскій раввинъ Зейликъ Койниховичъ и житель

г. Екатеринослава—славяносербскій мѣщанинъ Берко Тилимановъ. Цѣлыхъ три года потребовалось на переписку и собираніе свѣдѣній о томъ, соответствуютъ ли просители требуемымъ закономъ условіямъ. Любопытная переписка эта, свидѣтельствующая о той осторожности, съ которой губернское и уѣздное начальство допускало донашиваніе еврейской одежды, выдвигаетъ попутно вопросы о размѣрѣ сбора, которымъ облагалась своеобразная привилегія старцевъ-евреевъ на временное сохраненіе своего національного покроя, а также и томъ, какъ слѣдуетъ поступать съ нарушителями специальнаго закона о еврейской одеждѣ. Изъ сопоставленія различныхъ нормъ подати, взимавшейся въ губерніяхъ херсонской и екатеринославской, видно что сборъ съ еврейской одежды колебался между 5 и 10 руб., сообразно состоявшейся для каждой губерніи смѣтѣ по коробочному сбору. Что же касается вопроса о привлечениіи къ отвѣтственности охотниковъ наряжаться въ еврейское платье въ установленныхъ въ законѣ правилахъ, то вопросъ этотъ не получилъ практическаго разрѣшенія за отсутствіемъ случаевъ подобныхъ закононарушеній. „Дубосарская городская полиція — говорится въ представленіи херсонскаго губернскаго правленія на имя Новороссійскаго генераль-губернатора отъ 17-го октября 1853 года — испрашиваетъ разрѣшенія, какъ поступать съ тѣми евреями, которые имѣютъ менѣе 60 лѣтъ и нарушаютъ запрещеніе имъ носить еврейскую одежду; подлежать ли таковые денежному взысканію и какому именно, или другому какому наказанію? Не имѣя въ виду закона къ разрѣшенію такового представленія дубосарской полиціи, губернское правленіе полагаетъ обстоятельство это предоставить сужденію судебнаго мѣста, но, не приводя сего въ исполненіе, имѣть честь представить на благоусмотрѣніе вѣшаго высокопревосходительства и покорнѣйше просить о разрѣшеніи предложенія“. „Не видя изъ представленія губернскаго правленія,— пишетъ генераль-лейтенантъѲедоровъ въ своемъ отвѣтѣ,— чтобы были случаи нарушенія кѣмъ либо изъ евреевъ вышеозначенаго постановленія, воспрещающаго носить еврейскую

одежду, и принимая во внимание, что при надзорѣ и вищеніяхъ со стороны мѣстной полиціи едва-ли могутъ быть таковые случаи, я считаю теперь преждевременнымъ испрашивать у высшаго начальства разрѣшенія по упомянутому вопросу дубосарской полиціи; если же замѣчено будетъ гдѣ либо употребленіе еврейской одежды имѣющими менѣе 60 лѣтъ, то губернское правленіе не оставитъ сообщить мнѣ о томъ въ свое время“.

Впрочемъ, не одна только дубосарская полиція натолкнулась на нѣкоторыя затрудненія при приведеніи въ исполненіе закона о еврейской одеждѣ. Не смотря на ясность и категоричность послѣдовавшаго еще въ 1851 году окончательнаго воспрещенія, не допускающаго никакихъ толкованій, на практикѣ возникло не мало недоразумѣній, потребовавшихъ вмѣшательства высшей власти. „При исполненіи Высочайше утвержденныхъ постановленій относительно измѣненія еврейской одежды—говорится въ сообщеніи министра внутреннихъ дѣлъ отъ 17 сентября 1852 года на имя Новороссійскаго генералъ-губернатора—возникли, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: 1) какъ при перемѣнѣ евреями прежней одежды они перестали носить только поясы и бархатныя шапки, а самый покрой кафтановъ своихъ не перемѣнили, то считать-ли употребленіе прежнихъ кафтановъ безъ пояса и шапокъ дозволеннымъ? 2) Можно ли дозволить евреямъ носить пейсики? 3) Могутъ-ли евреи носить ермолки за установленную плату, а также, отправляясь въ субботы и другіе праздничные дни въ синагоги, имѣютъ ли право надѣвать на себя талисъ и твилимъ? 4) Можно-ли раввинамъ носить особую еврейскую одежду и на какомъ основаніи, т. е. съ платою или безъ платы? 5) Какому сбору подлежать евреи старѣ 60 лѣтъ за употребленіе еврейской одежды и куда входить съ представленіемъ объ обложеніи ихъ онымъ? Вопросы эти я представлялъ на усмотрѣніе комитета объ устройствѣ евреевъ, который въ разрѣшеніе оныхъ положилъ: 1) поручить генералъ-губернаторамъ наблюсти, чтобы всякое различіе въ еврейской одеждѣ съ коренными жителями было уничтожено. 2) Но-

шеніе пейсиковъ строго воспретить. 3) Употребленіе талисовъ, твилиновъ и ермолокъ дозволить только при богомолы въ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ, но отнюдь не допускать носить ихъ въ синагогъ и молитвенныхъ домовъ. 4) Во вниманіе, что одежда раввиновъ не имѣть никакой связи съ религіозными установлениями евреевъ и что примеръ ихъ можетъ имѣть влияніе и на прочихъ евреевъ, предписать, чтобы раввины носили одинаковое съ коренными жителями платье. 5) Плату за право носить еврейскую одежду съ евреевъ, коимъ минуло 60 лѣтъ отъ роду, оставить ту же, какая взималась съ нихъ до 1851 года; съ представлениями объ исходатайствованіи каждому лицу сего права и обложеніи за оное сборомъ мѣстная начальства имѣютъ входить къ генераль-губернаторамъ. Это положеніе комитета объ устройствѣ евреевъ 19-го минувшаго августа удостоено Высочайшаго утвержденія.

Приведенное положеніе комитета, положившее, какъ полагать надо, конецъ всѣмъ толкамъ и сужденіямъ, сопряженнымъ съ осуществленіемъ новаго закона, ясно показываетъ тѣ мотивы, которые легли въ основаніе окончательного воспрещенія ношенія еврейской одежды и которые были вызваны горячимъ желаніемъ правительства способствовать ассимиляціи евреевъ съ русскимъ населеніемъ и устраниТЬ „всякое различіе“ между ними и коренными жителями. Любопытно то, что въ то время, какъ въ юго-западныхъ и съверо-западныхъ губерніяхъ евреи всячески добивались сохраненія прежняго покрова подъ тѣмъ или инымъ видомъ (что, собственно, и вызвало послѣднєе разъясненіе комитета) и осаждали высшую администрацію сотнями ходатайствъ въ этомъ направленіи, во всемъ Новороссійскомъ краѣ нашлись только 4 еврея, обнаружившихъ свою приверженность старинѣ. Въ этомъ фактѣ нельзя не усмотрѣть влиянія того культурнаго молодого элемента, который народился въ этомъ краѣ благодаря просвѣтительному воздействию еврейскихъ учебныхъ заведеній, вступившихъ уже къ тому времени въ третье десятилѣтіе своего существованія

и успѣвшихъ въ значительной степени поколебать устои обособленности еврейской массы.

Еврейскія поселенія.

Сравнительно плохой ростъ еврейскихъ колоній, основанныхъ въ западныхъ и южныхъ губерніяхъ и поглотившихъ огромныя суммы изъ государственной казны, и удачные попытки нѣкоторыхъ единичныхъ лицъ, устроившихъ по собственной иниціативѣ и на ограниченныя свои средства небольшіе хутора и фермы, навели правительство на мысль о принятіи особыхъ поощрительныхъ мѣръ въ отношеніи состоятельныхъ евреевъ, которые рѣшились бы способствовать обращенію своихъ единовѣрцевъ къ земледѣльческому труду. „По дѣламъ министерства государственныхъ имуществъ—говорится въ запискѣ, разосланной графомъ Кисилевымъ 17 сентября 1852 года всѣмъ губернаторамъ въ чертѣ еврейской осѣдлости,—видно, что еврейскія поселенія, устроенные ихъ единовѣрцами на свой счетъ, какъ, напримѣръ, Раипопортъ, отличаются болѣе другихъ благоустройствомъ по той причинѣ, что успѣхъ сихъ поселеній связанъ съ личными интересами самихъ учредителей. Государь Императоръ, обративъ на сіе Всемилостивѣйшее вниманіе, Высочайше повелѣть соизволилъ: поставить въ обязанность начальникамъ губерній пригласить значительнѣйшихъ капиталистовъ изъ евреевъ къ учрежденію поселеній изъ ихъ единовѣрцевъ, распространивъ между ними свѣдѣнія о преимуществахъ, которые по законамъ предоставляются за подобное усердіе возвведеніемъ въ почетное гражданство“.

Такого же содержанія записка была прислана графомъ Кисилевымъ Новороссійскому генералъ-губернатору при особомъ письмѣ, въ которомъ подробно перечислены узаконенія о вознаграж-

денії евреевъ, культивирующихъ хлѣбопашество въ томъ или иномъ видѣ, и которое заканчивается указаниемъ на то, что „превосходство еврейскихъ поселеній, учрежденныхъ на собственный счетъ ихъ единовѣрцевъ и польза государственная къ скорѣйшему обращенію евреевъ къ труду производительному“ обязываетъ министра просить объ оказаніи содѣйствія къ приглашенію евреевъ капиталистовъ „для устройства ихъ единовѣрцевъ въ земледѣльческомъ состояніи“.

О послѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи Новороссійскій генераль-губернаторъ довелъ до свѣдѣнія подвѣдомственныхъ ему губернаторовъ и градоначальниковъ, которые въ свою очередь приняли всевозможныя мѣры къ ознакомленію еврейского населенія съ благими намѣреніями правительства, при чемъ нѣкоторые напечатали даже по этому поводу нѣчто въ родѣ воззванія къ евреямъ на столбцахъ губернскихъ вѣдомостей. Что же касается Одессы, то мѣстный градоначальникъ распорядился о широкомъ распространеніи свѣдѣній о еврейскихъ поселеніяхъ среди одесскихъ евреевъ путемъ расклейки объявленій въ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ и помѣщенія текста Высочайшаго повелѣнія въ единственной издававшейся тогда въ Одессѣ газетѣ „Одесскій Вѣстникъ“. Достойно вниманія, что въ то время въ Одессѣ было не мало богатыхъ евреевъ, изъ которыхъ, однако, никто не откликнулся на благородный призывъ правительства. Чтобы доставить, впрочемъ, читателямъ образчикъ индиферентнаго отношенія одесскихъ евреевъ-богачей къ духовнымъ интересамъ ихъ бѣдныхъ единовѣрцевъ, мы должны уклониться въ сторону и воспользоваться нѣкоторыми данными изъ хранящагося въ архивѣ Новороссійскаго генераль-губернатора дѣла о порученіяхъ, исполненныхъ, по указаніямъ высшей администраціи, состоявшимъ въ должности ученаго еврея Маркусомъ Гуровичемъ.

Дѣло въ томъ, что почти одновременно съ обнародованіемъ Высочайшей воли относительно учрежденія еврейскихъ поселеній были также приняты графомъ Кисилевымъ мѣры къ насажденію

среди евреевъ агрономическихъ знаній. По этому поводу мы находимъ въ № 45 „Одесского Вѣстника“ за 1852 годъ слѣдующее характерное объявление одесской городской думы: „Объявляется всѣмъ проживающимъ въ Одессѣ купцамъ и мѣщанамъ евреямъ, что г. одесскій градоначальникъ предписаніемъ отъ 15 марта за № 5673 изволилъ дать знать думѣ о предложеніи, данномъ его превосходительству г. и. д. новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора за № 1899, гдѣ изъяснено, что какъ министру государственныхъ имуществъ подвѣдомственныя заведенія, находящіяся въ разныхъ губерніяхъ, имѣющія главной цѣлью приготовленіе опытныхъ и свѣдущихъ садовниковъ, въ каковыхъ заведеніяхъ сверхъ садоводства преподаются также теоретически и практически огородничество, пчеловодство и шелководство, гдѣ по отрасли хозяйства по мѣстнымъ обстоятельствамъ могутъ существовать, то г. министръ государственныхъ имуществъ, имѣя въ виду, что хорошихъ садовниковъ у насть еще весьма мало и что ремесло это соединено съ большими выгодами, и заботясь объ умноженіи числа свѣдущихъ въ разныхъ отрасляхъ сельского хозяйства лицъ, находить, что было бы полезно отдавать въ садовыя заведенія евреевъ, изъ которыхъ, при смысленности ихъ, могутъ выходить весьма хорошие садовники. А для приведенія въ исполненіе этого предложенія генераль-лейтенантъ Федоровъ предлагаетъ: пригласить одесское еврейское общество отдавать пансионеровъ въ садовыя заведенія съ установленной за содержаніе ихъ платою отъ родственниковъ или отъ общества. Почему желающіе изъ евреевъ отдавать своихъ дѣтей въ это общественное заведеніе благоволять обращаться за нужными для того свѣдѣніями въ одесскую градскую думу“. Объявление это прошло, однако, безслѣдно, и садовыя заведенія въ Одессѣ и Екатеринославѣ не привлекли даже десятка еврейскихъ питомцевъ, хотя плата не превышала 60 рублей въ годъ. Такое игнорированіе предложенія графа Кисилева заставило ученаго еврея Гуровича внести своему непосредственному начальству проектъ объ

откомандированіи еврейскихъ солдатъ въ садовыя заведенія для пріобрѣтенія элементарныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній. „Евреи,— пишетъ Гуровичъ въ своей запискѣ по данному вопросу,— будучи русскими подданными, выполняютъ дачу рекрутъ наравнѣ съ прочими. Но какъ между ними дозволенъ приемъ молодыхъ, каковые, по извѣстной правительству смышленности ихъ, могутъ при обученіи ихъ хозяйственнымъ упражненіямъ оказать значительную пользу, то можно было бы, въ видѣ опыта, изъ числа таковыхъ молодыхъ рекрутъ назначить нѣкоторое количество прямо къ изученію садовыхъ и хозяйственныхъ упражненій съ тѣмъ, что во время службы своей они могутъ быть полезными въ ней при казенныхъ заведеніяхъ, а при отставкѣ они принесутъ значительную пользу и для себя и для заведеній частныхъ“. Проектъ этотъ остался, конечно, нетронутымъ среди массы другихъ подобныхъ предложеній, благихъ по своей цѣли, но неудобоосуществимыхъ по множеству затрудненій формального свойства. Тѣмъ не менѣе, уже одна мысль о томъ, чтобы еврейскій юноша открылъ себѣ путемъ рекрутчины доступъ въ садовыя заведенія, рисуетъ какъ нельзя рельефнѣе леденящее равнодушіе богатаго класса евреевъ, какъ представителя интересовъ массы.

Но возвратимся къ поселеніямъ, въ отношеніи которыхъ еврейскіе богачи проявили также самое печальное безразличіе. Какъ мы уже упомянули, еврейское населеніе во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ центрахъ было достаточно оповѣщено о видахъ и намѣреніяхъ правительства. Но отъ подавляющаго большинства еврейскихъ общинъ сейчасъ-же послѣдовали категорические отказы, замаскированные большей частью указаніемъ на отсутствіе необходимыхъ средствъ. Первымъ поспѣшилъ доставить свой отзывъ таврическій губернаторъ, известившій, что изъ собранныхъ по этому предмету свѣдѣній оказалось, „что въ таврической губерніи нѣть такихъ капиталистовъ изъ евреевъ, которые бы могли на собственный счетъ учредить поселеніе изъ ихъ единовѣрцевъ, что вообще здѣсь евреевъ немного, и тѣхъ большая часть людей бѣд-

ныхъ, занимающихся или ремеслами или мелкой промышленностью. Въ херсонской губерніи дѣло также шло сначала очень вяло. Изъ сгруппированныхъ въ рапортѣ херсонского губернского правленія отъ 8 іюля 1854 года на имя Новороссійского генераль-губернатора свѣдѣній, видно, что въ большинствѣ уѣздныхъ городовъ обращеніе начальства къ евреямъ осталось безъ всякихъ результатовъ. Такъ бобринскій городничій доносить, что онъ „объявилъ капиталистамъ евреямъ города Бобрица о милостяхъ правительства за поселеніе на своихъ земляхъ єдиновѣрцевъ согласно Высочайшему повелѣнію къ земледѣльческому ихъ занятію и принялъ всевозможныя мѣры къ обращенію евреевъ въ хлѣбопашцевъ“, но труды его успехомъ не увенчались. Въ такой же мѣрѣ оказалось безплоднымъ воздействиѣ очаковскаго городничаго, объясняющаго неудачу свою тѣмъ, что „въ Очаковѣ значительныхъ капиталистовъ изъ евреевъ къ учрежденію поселеній изъ ихъ єдиновѣрцевъ не имѣется“. Григоріопольскій полиціймейстеръ доносѣ, что въ его вѣдѣніи не оказалось никакихъ капиталистовъ, „которые бы могли содѣйствовать видамъ правительства къ поселенію евреевъ на земляхъ казенныхъ, владѣльческихъ или собственныхъ“. Однородныя сообщенія поступили также отъ овидіопольского городового пристава, представителей земской полиціи по одесскому и еще нѣкоторымъ уѣздамъ херсонской губерніи и полиціймейстеровъ городовъ Берислава и Александріи. Въ совершенно мрачныхъ краскахъ рисуетъ свои попытки херсонская городская полиція, очевидно, дѣйствовавшая болѣе активно и „приглашавшая значительнѣйшихъ капиталистовъ херсонскихъ купцовъ еврейского сословія къ учрежденію поселеній изъ своихъ єдиновѣрцевъ на свой счетъ, но никто изъ нихъ желанія не изъявилъ“. Изъ рапорта аنانьевскаго земскаго исправника видно, что „послѣ распоряженія о приглашеніи значительныхъ капиталистовъ изъ евреевъ къ учрежденію поселеній изъ своихъ єдиновѣрцевъ“ житель города Аナンьева—измаильскій мѣщанинъ Нухимъ Чернецкій принялъся добровольно приглашать своихъ єдиновѣрцевъ для по-

селенія на казенній землѣ, состоящей въ аنانьевскомъ уѣздѣ, подъ названіемъ „Гайдамацкая“. Переписка свидѣтельствуетъ, впрочемъ, о томъ, что починъ Чернецкаго не остался безъ подражанія и что скоро къ іниціативѣ послѣдняго присоединился также Переяславскій 3-й гильдіи купецъ Вульфъ Мерпертъ. Въ дѣлѣ сохранились подробно мотивированныя прошенія Мерпера и Чернецкаго, изъ которыхъ первый представилъ условіе, заключенное имъ съ 54 семействами евреевъ подольской и могилевской губерній о поселеніи ихъ на пріобрѣтенной имъ землѣ, состоящей въ тираспольскомъ уѣздѣ подъ названіемъ Балашева, „въ званіи землемѣльцевъ на собственный Мерпера счетъ“, а второй ходатайствовалъ о поселеніи приглашенныхъ имъ единовѣрцевъ разныхъ губерній числомъ 139 семействъ на казенной землѣ, состоящей въ аنانьевскомъ уѣздѣ подъ названіемъ Гайдамацкаго участка, нѣкоторыхъ, неимѣющихъ средствъ, на счетъ его, Чернецкаго, а нѣкоторыхъ на собственный ихъ счетъ. Херсонское губернское правленіе, разсмотрѣвъ представленное Мерпертомъ условіе, заключенное съ евреями, поселяющимися на его землѣ, и найдя его составленнымъ соотвѣтственно положенію о евреяхъ землемѣльцахъ, а также „удостовѣряясь въ свободности казенного Гайдамацкаго участка, на которомъ Чернецкій ходатайствуетъ поселить своихъ единовѣрцевъ, собирало требуемыя 27 ст. Инструкціи о поселеніи евреевъ на земляхъ казенныхъ, владѣльческихъ и собственныхъ свѣдѣнія, по коимъ нашло, что изъ числа евреевъ, поселяющихся на землѣ Мерпера, могутъ быть причисляемы въ званіи землемѣльцевъ 47 семействъ, а изъ числа евреевъ, поселяющихся по приглашенію Чернецкаго на Гайдамацкомъ участкѣ, могутъ быть зачислены въ землемѣльцы 92 семейства“. Объ этомъ были поставлены въ извѣстность просители, отъ которыхъ мѣстная власти отобрали подписки относительно приготовленія жилищъ для поселенцевъ, а затѣмъ губернское правленіе, препроводивъ въ херсонскую казенную палату составленные по копіямъ ревизскихъ сказокъ посемейные списки будущихъ землемѣльцевъ, сообщило о

причислениі послѣднихъ въ земледѣльческое званіе съ распространениемъ на нихъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ имъ закономъ.

Какъ водится, не обошлось и тутъ безъ интригъ и козней со стороны тѣхъ евреевъ, которые, относясь враждебно и подозрительно ко всякаго рода новшествамъ, оказались также принципиальными противниками распространенія земледѣльческаго труда среди ихъ единовѣрцевъ. Эти противники не высказывали, конечно, прямо и откровенно своихъ мнѣній и убѣжденій, а старались действовать косвеннымъ образомъ, нападая только на лицъ, но стремясь въ то же время къ тому, чтобы повредить самому дѣлу. Среди архивныхъ данныхъ о еврейскихъ поселеніяхъ мы находимъ любопытную переписку о докладной запискѣ, поданной Новороссійскому генералъ-губернатору ананьевскимъ купеческимъ сыномъ Мошкою Докторовичемъ на допускаемыя будто Нухимомъ Чернецкимъ злоупотребленія при водвореніи евреевъ на Гайдамацкомъ участкѣ, выражавшіяся въ вымогательствахъ и грубомъ произволѣ. Нечего говорить, что произведеннымъ разслѣдованіемъ обвиненія Докторовича не подтвердились, и высшая администрація сразу догадалась, что тутъ вся суть въ устраниеніи единственного лица, взявшагося энергично за несимпатичное нѣкоторымъ евреямъ дѣло. „Записка Докторовича—говорится въ донесеніи херсонского губернского правленія отъ 8 іюля 1853 года—о томъ, что Чернецкій употребляетъ во зло данное ему дозволеніе селить на Гайдамацкомъ участкѣ евреевъ, требуя отъ нихъ по своему произволу деньги на водвореніе, кроме своей неосновательности, оказывается совершенно несправедливой, ибо не только не поступало на Чернѣцкаго никакихъ жалобъ отъ евреевъ, изъявившихъ согласіе поступить въ земледѣльцы, но, напротивъ, видна должна съ его стороны забота и стараніе къ исполненію принятой имъ на себя по сему предмету обязанности, а потому губернское правленіе, оставивъ безъ вниманія означенную жалобу Докторовича, вмѣстѣ съ симъ предписало херсонскому земскому суду объявить

ему за подпискою, чтобы „онъ не дозволяль себѣ на будущее время обременять правительство подобными неосновательными жалобами подъ отвѣтственностью за противное по закону“.

На этой перепискѣ заканчиваются всѣ свѣдѣнія о первыхъ двухъ еврейскихъ поселеніяхъ въ Новороссійскомъ краѣ, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ частной иниціативѣ. Какъ долго существовали эти поселенія и какая участъ ихъ постигла—неизвѣстно. Можно лишь съ увѣренностью сказать, что въ настоящее время память объ этихъ учрежденіяхъ принадлежитъ уже къ области основательно забытаго прошлаго.

Духовная жизнь евреевъ.

Желаніе провѣрить на дѣлѣ результаты правительственныхъ мѣропріятій, выразившихся въ появившемся, начиная съ 1835 года, цѣломъ рядѣ узаконеній, сгруппированныхъ въ разныхъ положеніяхъ, имѣющихъ своей цѣлью урегулированіе духовной жизни евреевъ, побудило въ 1854 году исправлявшаго должность новороссійского генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Анненкова 2-го возложить на состоявшаго при немъ ученаго еврея Маркуса Гуровича порученіе—обѣзжать всѣ населенные евреями города херсонской, екатеринославской и таврической губерній, а также таганрогскаго градоначальства для подробнаго ознакомленія со всѣми сторонами внутренней жизни еврейскихъ общинъ и тщательнаго обозрѣнія синагогъ, молитвенныхъ домовъ, учебныхъ заведеній и всѣхъ прочихъ специально еврейскихъ благотворительныхъ учрежденій. Высшей администраціи необходимо было знать, какъ привились *de facto* начертанія, имѣвшія *de jure* огромное значеніе, какие плоды принесли двадцатилѣтнія заботы правительства, направленныя къ упорядоченію быта евреевъ, къ насажденію среди нихъ общихъ понятій о гражданственности. Такую же задачу пре-

слѣдовалъ также въ 1856 году графъ А. Г. Строгановъ, по по-
рученію котораго тотъ-же Гуровичъ предпринялъ второй объездъ
посѣщекныхъ имъ раньше мѣстностей. И Гуровичъ исполнилъ
свои обязанности какъ нельзя лучше, доставивъ своему непосред-
ственному начальству достовѣрныя, хотя самыя неутѣшительныя
свѣдѣнія о положеніи евреевъ въ новороссійскомъ краѣ. Отчеты его
объ обѣихъ командировкахъ представляютъ собою огромный фолі-
антъ, и каждая строка въ нихъ дышетъ правдою и искренностью,
свидѣтельствуетъ о строгой корректности и безпристрастіи.

Первое, что рѣзко бросается въ глаза въ запискахъ Гуро-
вича, это отмѣчаемая имъ вездѣ пропасть между закономъ и жиз-
нью, между словомъ и дѣломъ. Правда, двадцать лѣтъ—не осо-
бенно большой срокъ для приведенія въ дѣйствіе реформъ, свя-
занныхъ съ радикальной ломкой старого уклада, съ культивирова-
ніемъ новыхъ воззрѣній. Но по фактамъ, сообщаемымъ Гурови-
чемъ и носящимъ какой то странный стереотипный характеръ,
такъ какъ почти въ каждомъ городѣ ему приходится констати-
ровать однородныя печальные явленія, можно судить, что для ев-
рейской массы двѣ земскія давности протекли совершенно безслѣдно,
что лучи прогресса не успѣли еще проникнуть въ ея тѣсный и за-
колдованный кругъ, что эта несчастная масса никакъ не хотѣла
считаться съ дѣйствительностью, съ неумолимыми требованіями
времени, продолжая баражатъ и все глубже вязнуть въ тинѣ
предразсудковъ. Такъ, напримѣрь, законъ требовалъ, чтобы во
главѣ каждой общины стоять утвержденный правительствомъ рав-
винъ, какъ лицо, компетентное въ разрѣшеніи религіозныхъ во-
просовъ и, главное, „въ направленіи евреевъ къ соблюденію прав-
ственныхъ обязанностей, къ повиновенію общимъ государственнымъ
законамъ и установленнымъ властямъ“, чтобы синагоги и молит-
венные дома, учреждаемые не иначе, какъ съ разрѣшенія губер-
нскаго начальства, по правиламъ устава строительного, находились
подъ вѣдѣніемъ духовныхъ правленій и подъ контролемъ надле-
жащей власти, чтобы зданія, предназначаемыя для богослуженія,

не превращались въ мѣста для частныхъ собраний или даже въ жилыя помѣщенія, чтобы, наконецъ, во всѣхъ учрежденіяхъ велась правильная отчетность и при томъ на обязательномъ для всѣхъ русскихъ гражданъ отечественномъ языкѣ. И какую же мрачную картину рисуетъ намъ Гуровичъ въ своихъ запискахъ! Въ Херсонѣ изъ 8 осмотрѣнныхъ имъ молитвенныхъ домовъ только одна новая синагога оказалась болѣе или менѣе соотвѣтствующей своему назначенію; въ остальныхъ же царствуютъ беспорядокъ и произволъ, нѣтъ членовъ правленія, нѣтъ книгъ для записи не только добровольныхъ пожертвованій прихожанъ, но даже для отмѣтки способовъ израсходованія суммъ, ассигнuemыхъ изъ коробочного сбора. Гуровичъ натолкнулся также въ Херсонѣ на два молитvenныхъ дома, изъ коихъ одинъ гостепріимно пріютилъ въ своихъ стѣнахъ какого-то меламеда съ двумя десятками питомцевъ его и портного съ цѣлой ватагой рабочихъ, а въ другомъ жилъ самъ домовладѣлецъ, тутъ же устроившій кабакъ. Нечего говорить, что о существованіи подобныхъ учрежденій не знали ни дума, ни поліція. Характерно то, что разсмотрѣвъ бюджетъ всѣхъ 5 молитvenныхъ домовъ, (два были признаны подлежащими безотлагательному закрытию) Гуровичъ нашель отпускаемое имъ пособіе изъ суммъ коробочного сбора совершенно излишнимъ, и когда, по его представленію, всякія выдачи были прекращены, то обстоятельство это ни въ малѣйшемъ не отразилось на дальнѣйшемъ ихъ существованіи. Одна лишь талмудъ-тора, какъ низшая школа для бѣдныхъ дѣтей, поддерживаемая частными благотворителями, произвела на Гуровича выгодное впечатлѣніе, хотя и тамъ, какъ и въ больницѣ, пользовавшейся крупными пожертвованіями со стороны купца Фекера, отчетность, веденная на еврейскомъ языкѣ, далеко не отличалась правильностью и аккуратностью. Чтобы судить объ особенностяхъ подобной отчетности, достаточно указать слѣдующій любопытный фактъ, выяснившійся благодаря ревизіи Гуровича и впослѣдствіи официально подтвержденный херсонскимъ губернаторомъ Клушинымъ въ рапортѣ его

на имя генераль-адъютанта Коцебу отъ 17 августа 1862 года. Дѣло въ томъ, что Гуровичъ, познакомившись съ цифровыми данными, заключающими въ составлявшихся на еврейскомъ языкѣ отчетахъ больницы, былъ пораженъ тѣмъ, что, съ одной стороны, больничное зданіе признавалось сооруженнымъ на личныя средства Фекера и принесеннымъ въ даръ херсонскому еврейскому обществу, а съ другой—тотъ же жертвователь продолжалъ считаться собственникомъ зданія, и изъ суммъ коробочнаго сбора ему ежегодно отпускалась наемная плата въ размѣрѣ 600 руб. Безкорыстіе Фекера оказалось, конечно, виѣ всякаго сомнѣнія, ибо, какъ выяснилось изъ рапорта губернатора, онъ удерживалъ за собою право собственности на построенную имъ больницу съ единственной цѣлью усилить доходы послѣдней и жертвовать въ ея пользу получавшіяся имъ арендныя деньги. Такая фикція, однакожъ, была въ принципѣ нежелательна съ точки зрењія контроля, и Гуровичъ, усердно ходатайствовавшій о награжденіи Фекера по заслугамъ, тѣмъ не менѣе, не переставалъ въ теченіи десяти лѣтъ добиваться фактическаго перечисленія зданія за обществомъ, для того, чтобы нежелательной игрѣ съ приходо-расходомъ быть положенъ конецъ.

Въ такомъ же безотрадномъ положеніи былъ найденъ Гуровичъ и раввинатъ. Во всѣхъ городахъ, за исключеніемъ Таганрога и Мариуполя, гдѣ еврейское населеніе обходилось совершенно безъ духовныхъ пастырей, существовали на ряду съ утвержденными правительствомъ раввинами частныя лица, фактически исполнявшія раввинскія функціи и исключительно управлявшія всѣми дѣлами общинъ. Часто эти раввины-самозванцы, пользуясь своимъ вліяніемъ на массу, захватывали въ свои руки и веденіе метрическихъ книгъ, обезпечивая себѣ на выборахъ подавляющее большинство избирателей и беззастѣнчиво выступая кандидатами, не смотря на отсутствіе всякаго образовательнаго и нравственнаго ценза. Такого раввина, успѣвшаго уже прослужить цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, Гуровичъ и встрѣтилъ въ Ростовѣ на Дону и

счелъ долгомъ своимъ сейчасъ же возбудить ходатайство объ устраниніи его отъ должности, которую тотъ узурпировалъ помощью подкупа избирателей. „Безпорядокъ здѣсь—замѣчаетъ Гуровичъ по этому поводу—происходитъ отъ раввина, который соединяетъ въ себѣ разныя занятія, несвойственные его званію, и, имѣя капиталъ, употребляетъ часть онаго при каждомъ наступающемъ выборѣ для раздачи между бѣдными членами общества, и такимъ образомъ, хотя лучшіе и благомыслящіе евреи желали бы имѣть соотвѣтствующаго нынѣшнему духу времени раввина, они однако, не въ состояніи добиться этого по той причинѣ, что ихъ голоса меньше подкупленныхъ раввиномъ. Такое же явленіе Гуровичъ констатировалъ въ 1856 году въ городѣ Александріи. „Здѣсь въ теченіи двадцати лѣтъ—пишетъ Гуровичъ—находился раввинъ, который, хотя былъ безъ европейскаго образованія, но пользовался уваженіемъ общества за знаніе талмудическихъ правилъ и честный образъ жизни. Даже и теперь евреи обращаются къ нему за совѣтами въ дѣлахъ религіи. Но такъ какъ онъ не взялъ на себя обязанности по веденію метрическихъ книгъ, то на его мѣсто Ратуша, вслѣдствіе покровительства нѣкоторыхъ богатыхъ евреевъ, назначила раввиномъ человѣка, нисколько несоотвѣтствующаго сей важной должности и даже незнающаго въ точности еврейскаго языка. Впослѣдствіи времени сама Ратуша замѣтила, что предложенный ей кандидатъ не соотвѣтствуетъ своему назначению и допускаетъ отступленіе въ веденіи метрическихъ книгъ, вслѣдствіе чего обѣ этомъ было представлено губернскому правленію, отъ которого испрашивается разрѣшеніе, можетъ ли онъ оставаться въ должности раввина. По моему мнѣнію, было бы совершенно справедливо и полезно немедленно устраниить его, какъ неимѣющаго надлежащихъ свѣдѣній въ религіи и поддерживаемаго только вліяніемъ нѣкоторыхъ богатыхъ евреевъ“.

Въ запискѣ Гуровича мы находимъ также интересныя свѣдѣнія о цадикизмѣ, служившемъ полвѣка тому назадъ во всѣхъ городахъ, населенныхъ евреями, не исключая даже крупныхъ цент-

ровъ, оплотомъ мракобѣсія и вызвавшемъ въ свое время репрессивныя мѣры со стороны правительства противъ странствовавшихъ по градамъ и весямъ черты осѣдлости святошъ, которымъ, какъ известно, до 1898 года было воспрещено выѣзжать изъ своего мѣстожительства. Къ лишенню цадиковъ свободы передвиженія власти должны были прибѣгнуть съ цѣлью парализованія ихъ могучей и растлѣвающей силы и устраненія безжалостнаго обиравельства, отражавшагося крайне неблагопріятно на благосостояніи нѣвѣжественной массы. Въ Дубоссарахъ и Тирасполѣ, описанію которыхъ Гуровичъ посвятилъ цѣлую главу и которые рисуются имъ какъ города, достаточно населенные евреями, находящимися „хотя относительно средствъ къ жизни въ хорошемъ положеніи, но при всемъ томъ никаколько не заботящимися объ улучшеніи и благоустройствѣ своихъ религіозныхъ учрежденій“, цадикізмъ и пустилъ глубокіе корни. „Туда часто прїѣзжали такъ называемые цадики, внушающіе массѣ самая уродливыя понятія о жизни и ея назначеніи“. Въ Тирасполѣ Гуровичъ имѣлъ полную возможность наблюдать, какими горячими симпатіями цадики пользуются среди еврейскаго населенія, какія восторженныя овациіи выпадаютъ на ихъ долю, какъ набожные евреи стекаются къ нимъ со всѣхъ сторонъ, испрашивая благословенія и щедро оплачивая минутное расположение чудотворца и сопровождающей его свиты. Два или три раза въ годъ посѣщаетъ цадикъ облюбованное мѣсто, и какая бы бѣдность ни царила ереди тамошнихъ евреевъ—онъ все таки вывозить нѣсколько тысячи изъ самаго заброшенного угла. „Въ бытность мою—пишетъ Гуровичъ—для обозрѣнія синагогъ въ Тирасполѣ, прїѣхалъ туда цадикъ къ одному богатому еврею, по случаю обрѣзанія новорожденнаго мальчика. Нужно было видѣть общее стремленіе евреевъ къ дверямъ дома, въ которомъ жилъ цадикъ. Всѣ занятія пріостановились на время его прїѣзда. Невозможно описать всего вреда, какой причиняютъ цадики евреямъ въ гражданственномъ отношеніи. Родители, стремящіеся къ нимъ за благословеніемъ, на нѣсколько дней отвлекаются отъ дѣлъ

семейныхъ, сыновья ихъ пріучаются съ малолѣтства не цѣнить знанія и образованія, которыя, по словамъ цадика, не подобаютъ истинному еврею. Что же касается до образованія дочерей, то это считается излишнимъ потому, что цадикъ, благословляя отца, обѣщаетъ его дочерямъ богатыхъ жениховъ, которыхъ Богъ пошлетъ съ неба безъ всякихъ о томъ заботъ».

Всѣ эти печальные факты не разочаровывали, однако, Гуровича, а заставляли его только во многихъ мѣстахъ своей записи еще съ большей энергией поддерживать мысль о пользѣ просвѣщенія, какъ лучшаго средства для борьбы съ тьмою и благотворнаго проводника новыхъ началь въ затхлую атмосферу тогдашняго еврейства. «Наше попечительное правительство приняло самыя дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы распространить образованіе между евреями, искоренить господствующіе между ними предразсудки и слить въ образѣ жизни съ господствующимъ населеніемъ имперіи. Мѣры эти, безъ сомнѣнія, принесутъ въ будущемъ желанные плоды. Въ настоящее-же время, для содѣйствія благодѣтельнымъ видамъ правительства относительно евреевъ, необходимо обратить особое вниманіе на образованіе молодого поколѣнія и приведеніе въ должный порядокъ религіозныхъ учрежденій». Останавливаясь подробно на безусловно вредномъ вліяніи меламедовъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточено элементарное обученіе еврейскаго юношества, Гуровичъ касается также полнаго незнакомства евреевъ съ отечественнымъ языкомъ и проектируетъ пѣлый рядъ ограниченій для еврейско-нѣмецкаго жаргона, настаивая, главнымъ образомъ, на запрещеніи печатанія книгъ на этомъ жаргонѣ. «Относительно религіозныхъ учрежденій евреевъ,—говорить далѣе Гуровичъ,— могу утвердительно сказать, что они почти вездѣ находятся въ безпорядкѣ, въ неприличномъ для священнаго мѣста видѣ, а потому при настоящемъ положеніи своемъ не могутъ имѣть благотворнаго вліянія на нравственное развитіе молодого поколѣнія. Это во многомъ происходитъ отъ раввиновъ, несоответствующихъ своему назначенію». И. Гуровичъ предлагаетъ обратить вниманіе

на замѣщеніе мѣстъ раввиновъ людьми образованными, въ лицѣ которыхъ евреи пріобрѣли бы просвѣщенныхъ законоучителей, добросовѣстныхъ наставниковъ и убѣжденныхъ проповѣдниковъ. Переходя къ вопросу объ улучшениіи формъ богослуженія въ синагогахъ, Гуровичъ замѣчаетъ, что улучшениія эти должны состоять преимущественно въ уничтоженіи нѣкоторыхъ старинныхъ обычавт, «не соотвѣтствующихъ духу времени и даже совершенно не-приличныхъ». Къ такимъ обычаямъ, на которые жалуются и образованные евреи и которые сдѣлались какъ бы принадлежностью еврейского богослуженія, Гуровичъ относить царящіе въ молельняхъ шумъ и гамъ, раскачиванія и тѣлодвиженія молящихся, неумѣстный экстазъ и безсмысленныя выкрикиванія, полное отсутствіе благоговѣнія и сосредоточенности, частое появленіе у амвона неспособныхъ канторовъ и, наконецъ, употребленіе какихъ-то своеобразныхъ напѣвовъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго національнаго колорита и идущихъ, поэтому, въ разрѣзъ съ текстомъ молитвъ и весьма мало способствующихъ упроченію молитвенного настроенія.

Въ заключительной части своей записки Гуровичъ посвящаетъ также не мало мѣста и вопросу объ упорядоченіи взимаемаго съ евреевъ за употребленіе кошерной говядины коробочнаго сбора. Выступая принципіальнымъ противникомъ тягостнаго налога на продуктъ первой необходимости, Гуровичъ указываетъ разныя злоупотребленія при распредѣленіи суммъ коробочнаго сбора, пред назначенныхъ на содержаніе еврейскихъ религіозныхъ и благотворительныхъ учрежденій и, между прочимъ, на уплату податей за дряхлыхъ и убогихъ евреевъ. Кромѣ того Гуровичъ, основываясь на безчисленныхъ фактахъ, обнаруженныхъ имъ во время своихъ командировокъ, доказываетъ, что въ большинствѣ случаевъ учрежденія, получающія пособія изъ суммъ коробочнаго сбора, находятся въ упадкѣ только потому, что еврейское населеніе относится безъ должнаго сознанія къ источнику выдаваемыхъ ему пособій, упуская изъ виду, что тутъ рѣчь идетъ о налогѣ, вносимомъ самимъ бѣднымъ классомъ, и наивно полагая, что «казен-

ной копейкой» можно распоряжаться произвольно и пользоваться ею даже не на общественные надобности. Этимъ своеобразнымъ взглядомъ на значеніе и характеръ коробочнаго сбора Гуровичъ и объясняетъ то, что всѣ осмотрѣнныя имъ учрежденія, несмотря на достаточность и даже обиліе средствъ, получали пособія изъ смѣтныхъ назначеній. Характерно то, что размѣры пособія тутъ даже роли не играли, какъ будто вся суть заключалась въ томъ, чтобы хоть кое-чѣмъ воспользоваться... Въ м. Никополѣ, напримѣръ, мѣстный молитвенный домъ получалъ ежегодно субсидію въ одинъ рубль! Проектируя, поэтому, безусловное уничтоженіе коробочнаго и свѣчнаго сборовъ, Гуровичъ, съ своей стороны, ходатайствуетъ о введеніи для еврейскихъ общинъ особаго вспомогательнаго сбора, который вносился бы болѣе состоятельными классами и находился въ непосредственномъ завѣданіи избираемыхъ евреями представителей. Исходной точкой этого ходатайства является то соображеніе, что только одно участіе плательщиковъ въ распределеніи падающаго на нихъ налога и определеніи способовъ его израсходованія можетъ повести къ тому, чтобы пособія назначались учрежденіямъ, дѣйствительно въ нихъ нуждающимся.

Какъ известно, коробочный сборъ и въ настоящее время не пользуется почти никакими симпатіями среди евреевъ, мечтающихъ о замѣнѣ его другимъ соответствующимъ налогомъ, и въ этомъ отношеніи предложеніе Гуровича, появившееся въ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, приобрѣтаетъ особое значеніе.

Еврейскія колоніи.

Въ маршрутъ двухъ поездокъ ученаго еврея Маркуса Гуровича, относящихся къ 1854 и 1856 годамъ, вошли также, какъ мы уже упомянули, еврейскія колоніи херсонской и екате-

ринославской губернії. Хотя кругъ дѣйствій Гуровича былъ ограниченъ только обозрѣніемъ учебныхъ, религіозныхъ и благотвори-тельныхъ учрежденій колоній, тѣмъ не менѣе записки его даютъ точное понятіе и обѣ экономическомъ положеніи евреевъ-земледѣльцевъ, и съ этой точки зрѣнія сообщаемыя имъ свѣдѣнія, кстати сказать, строго проверенные и основанныя на личныхъ наблюде-ніяхъ, являются весьма интересными. Какъ wysoko, впрочемъ, цѣ-нили эти свѣдѣнія власти, близко стоявшія къ еврейскимъ коло-ніямъ, и какое значеніе придавалось ими результатамъ команди-ровокъ Гуровича—обѣ этомъ свидѣтельствуетъ весьма лестный от-зывъ предсѣдательствующаго въ попечительномъ комитете обѣ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи отъ 4-го августа 1856 года на имя графа А. Г. Строганова, „Попечитель еврей-скихъ поселеній херсонской губерніи,—говорится въ этомъ отзы-вѣ,—донося о проѣздѣ черезъ еврейскія колоніи состоящаго при-вашемъ сіятельствѣ для исполненія порученій по дѣламъ еврей-скаго закона г. Гуровича, указываетъ на пользу отъ пребыванія г. Гуровича посреди еврейскаго земледѣльческаго населенія тѣмъ, что г. Гуровичъ убѣдительно представлялъ евреямъ-поселенцамъ выгоды занятія сельскимъ хозяйствомъ, внушалъ беспрекословное повиновеніе властямъ, надъ ними поставленнымъ, пояснялъ ихъ отношенія къ обществу, къ окружающимъ ихъ, къ дѣтямъ и т. п., однимъ словомъ, не упустилъ ни одного важнаго предмета, по ко-торому бы не далъ умѣстнаго совѣта и наставленія. Пріятной обя-занностью считаю довести до свѣдѣнія вашего сіятельства о бла-гопріятномъ для г. Гуровича отзывѣ мѣстнаго колоніального на-чальства и вмѣстѣ съ тѣмъ доложить, что еслибы чаще посѣщали еврейскія колоніи люди, подобные г. Гуровичу, съ тѣмъ правиль-нымъ взглядомъ и яснымъ пониманіемъ предназначенній правитель-ства, то евреи-земледѣльцы лучше-бы постигали цѣль своего по-селенія и сами болѣе-бы стремились къ достижению онай, ибо увѣ-щанія и наставленія должностныхъ лицъ-иновѣрцевъ никогда не могутъ имѣть той силы и того благодѣтельнаго на евреевъ влія-

нія, какъ слова тѣхъ, которые исповѣдуютъ одну съ ними вѣру и сами принадлежать къ семье іудейскаго народа“. Такая аттестація приемовъ Гуровича и отношеній его къ возложеннымъ на него обязанностямъ—даетъ намъ полное основаніе считать высказываемыя въ запискахъ его сужденія компетентными и обоснованными, а констатируемые имъ факты безусловно вѣрными и соотвѣтствующими дѣйствительности.

Дѣйствительность эта оказалась, однако, довольно безотрадной, и обѣ записи Гуровича отличаются пессимистической окраской, не чуждой, конечно, искренности и доброжелательства, а также желанія тутъ-же указывать какъ причины, парализовавшія правильное развитіе еврейскихъ колоній, такъ и средства для борьбы съ печально сложившимися соціальными и историческими условіями. Болѣе выгодное впечатлѣніе произвели на Гуровича еврейскія колоніи екатеринославской губерніи, въ которыхъ въ 1854 году числилось 11.000 душъ обоего пола. Правда, Гуровичъ и тутъ не отрицаєтъ, что старики не успѣли еще въ теченіи восьми лѣтъ освоиться съ новымъ своимъ положеніемъ и стать заправскими пахарями, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ, что ему пріятно было убѣдиться въ томъ, какъ евреи, недавно еще находившіеся въ крайнѣ бѣдственномъ положеніи, „нынѣ, благодаря правительству, имѣютъ свои дома, скотъ, обработанное поле, отъ котораго получаютъ не только пропитаніе для себя и своихъ семействъ, но еще и для продажи, и, такимъ образомъ, нѣкоторыя семейства находятся даже въ состояніи изобилія, и съ тѣмъ вмѣстѣ евреи черезъ занятіе земледѣліемъ, по мѣрѣ умноженія ревности, произведутъ элементы, упрочивающіе гражданственность“. Возлагая всѣ надежды на подростающее поколѣніе, Гуровичъ съ радостью описываетъ, какъ онъ присутствовалъ при снятіи хлѣба молодыми евреями-земледѣльцами въ колоніи Трудолюбовка, когда въ полевыхъ работахъ участвовали и женщины, возвращавшіяся къ вечеру домой съ дружными пѣснями, словно настоящія крестьянки. Но за то ему пришлось въ 1856 году наблюдать въ хер-

сонской губернії совершенно другія картины, заставившія его сразу задуматься надъ плохимъ ростомъ еврейскихъ колоній. Нѣкоторыя изъ осмотрѣнныхъ Гуровичемъ колоній были основаны еще въ 1809 году, и въ каждой изъ нихъ поселилось до 180 семействъ. „Къ сожалѣнію,— пишетъ Гуровичъ,— многолюдство колоній нисколько не показываетъ ихъ цвѣтущаго положенія; напротивъ того, многолюдныя колоніи находятся въ худшемъ состояніи, не жели слабонаселенные. Причиной этого служить то обстоятельство, что колоніи большей частью населялись неодновременно, а постепенно. Такъ, напримѣръ, въ колоніи Ефингаръ, существующей съ 1808 года, въ которой теперь находится 100 семействъ и болѣе 900 душъ обоего пола, имѣются переселенцы 1808, 1822 и 1840 годовъ. Вообще новые переселенцы, не имѣя еще понятія о земледѣліи, не приносятъ колоніямъ никакой существенной пользы, а только отвлекаютъ своимъ вліяніемъ прежнихъ колонистовъ отъ земледѣльческаго труда. Такимъ образомъ, какъ только евреи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ съ большимъ трудомъ начинаютъ привыкать къ сельскимъ занятіямъ, являются въ колоніяхъ новые переселенцы, которые только носятъ званіе колонистовъ для пользованія предоставленными закономъ послѣднимъ льготами, собственно-же занимаются торговыми спекуляціями въ колоній, и своимъ примѣромъ отвлекаютъ прежнихъ колонистовъ отъ полевыхъ работъ. При этомъ нужно замѣтить, что отлучки изъ колоній для всѣхъ желающихъ уклоняться отъ труда чрезвычайно легки и что такимъ отлучкамъ нисколько не препятствуетъ сельское начальство, не вникающее въ цѣли и виды мудраго правительства относительно организаціи еврейскихъ поселеній. Отъ этого въ городахъ, окружающихъ колоніи и даже отдаленныхъ отъ нихъ, постоянно живетъ множество колонистовъ, совершенно бѣдныхъ, но занимающихся по привычкѣ торговыми оборотами, большей частью недоставляющими имъ достаточно средствъ къ жизни. Изъ этого можно видѣть, что учрежденіемъ колоній нисколько не достигается предположенная правительствомъ цѣль освободить городскія об-

щества отъ бѣдныхъ евреевъ, ибо если въ нѣкоторыхъ городахъ и уменьшилось число бѣдныхъ, вслѣдствіе переселенія послѣднихъ въ колоніи, то въ другихъ городахъ, близкихъ къ еврейскимъ поселеніямъ, число ихъ значительно увеличилось колонистами, являющимися положительно бременемъ для городскихъ обществъ. Нужно замѣтить, что евреи, никогда не занимавшись земледѣліемъ, не могутъ вдругъ сдѣлаться хорошими колонистами, вслѣдствіе чего еврейскія колоніи требуютъ особой о нихъ заботливости. По мнѣнію моему, отъ стариkovъ-переселенцевъ нельзѧ ожидать никакой пользы для колоній, и они, по укоренившейся привычкѣ къ городскимъ занятіямъ, только тяготятся сельской жизнью, а потому не могутъ быть порядочными земледѣльцами. Вслѣдствіе этого особенное вниманіе должно быть обращено на молодое поколѣніе, которое одно только можетъ быть пріучено къ земледѣльческому быту, если получить посредствомъ воспитанія особое направленіе, чуждое господствующихъ между евреями предразсудковъ. Для успѣшности земледѣльческихъ занятій нужны крѣпкое здоровье, любовь къ труду и природѣ, а этихъ именно условій и нѣть у старииковъ, привыкшихъ къ городской жизни. При томъ старики находятъ препятствія къ полевымъ работамъ въ исполненіи разнохъ обрядовъ и религіозныхъ постановленій; каждый день утромъ и вечеромъ они ходятъ въ синагогу и тамъ, по привычкѣ, просиживаютъ нѣсколько часовъ за чтеніемъ талмуда". Все это приводитъ Гуровича къ убѣждѣнію въ необходимости, съ одной стороны, постепенного подготовленія молодыхъ колонистовъ къ земледѣльческому труду, а съ другой—принятія нѣкоторыхъ охранительныхъ мѣръ въ смыслѣ устраненія изъ сферъ евреевъ-земледѣльцевъ побочныхъ занятій торгового свойства. Для этой цѣли Гуровичъ, посвящая каждой изъ осмотрѣнныхъ имъ колоній отдельный подробный разборъ и сопровождая свой трудъ огромнымъ проектомъ, о которомъ будетъ сказано ниже, предлагаетъ, между прочимъ, въ видѣ палліативныхъ мѣръ: 1) бѣзусловно воспретить колонистамъ заниматься коммерческими дѣлами, несвязанными съ

ихъ профессиональнымъ трудомъ, 2) не выдавать имъ паспортовъ на отлучки изъ колоній хотя бы на самые непродолжительные сроки, 3) назначать раввинами колоній людей образованныхъ, „которые могли бы своими назидательными рѣчами побудить колонистовъ къ трудолюбію“, 4) устранить невѣжественныхъ меламедовъ отъ обучения дѣтей, 5) устроить въ колоніяхъ особы сельскія училища для воспитанія юношества въ духѣ, соответствующемъ видамъ правительства, и 6) установить предѣльный возрастъ для поселенцевъ въ интересахъ сокращенія притока въ колоніи старыхъ людей, представляющихъ собою нежелательный и непригодный для колонизаціи элементъ.

Какъ мы уже упомянули, Гуровичъ нашелъ осмотрѣнныя имъ въ 1854 году въ екатеринославской губерніи колоніи *Трудолюбовка, Нечаевка, Графская, Красноселка, Новый Златополь, Веселая и Мажиричъ*, если не вполнѣ упрочившимися и соответствующими своему назначенію, то населенными, по крайней мѣрѣ, людьми молодыми, любящими сельскія занятія, способными къ труду и могущими современемъ стать настоящими земледѣльцами. Но за то духовный обликъ этихъ колоній рисуется Гуровичемъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Колоніи находятся въ вѣдѣніи главнаго раввина и двухъ-трехъ помощниковъ, занимающихся самыми разнообразными профессіями, далеко несответствующими ихъ духовному сану. Всѣ функции этихъ пастырей исчерпываются веденіемъ метрическихъ книгъ. „Здѣсь замѣтно — жалуется Гуровичъ—равнодушіе этихъ должностныхъ лицъ къ точному выполненію обязанностей руководителей земледѣльцевъ, какъ будто не ихъ дѣло возбуждать расположность къ труду, преуспѣяніе молодыхъ людей въ изученіи господствующаго отечественного языка. Здѣсь очень необходимо произносить послѣ молитвъ назидательное слово, чтобы евреи, занимающіеся новыми занятіями, до сихъ поръ имъ чуждыми, болѣе старались; а безъ усерднаго служенія раввина съ его помощниками ничего благотворнаго не можетъ совершиться, особенно если настаетъ, по волѣ

Всевышняго, неурожай, какъ и случилось было". Въ колоніяхъ, населеніе которыхъ достигаетъ 11.000 душъ, нѣтъ ни центральной больницы, ни лечебницъ амбулаторнаго характера, ни даже порядкомъ обученныхъ фельдшеровъ для подачи въ случаяхъ заболевания колонистовъ первоначального пособія. Молитвенные школы помѣщаются въ частныхъ домахъ и нерѣдко даже въ комнатахъ, служащихъ жильемъ для колонистовъ. „Можетъ ли такая обстановка — скорбить Гуровичъ — давать молящимся пахарямъ надлежащія понятія о Богѣ, ниспосылающемъ имъ свои блага?" Воспитаніе дѣтей сосредоточено исключительно въ рукахъ меламедовъ, которые не въ состояніи научить ихъ даже древне-еврейскому языку. Печальную повѣсть свою объ этихъ колоніяхъ Гуровичъ заканчиваетъ указаніемъ на цѣлый рядъ мѣропріятій, между которыми первенствующее мѣсто отводится устройству центрального учебнаго заведенія и общей больницы для всѣхъ колоній, а также организаціи медицинской помощи въ каждой колоніи отдельно.

Переходя къ обозрѣнію еврейскихъ колоній херсонской губерніи и останавливаясь подробно на тѣхъ 15 изъ нихъ, которыя находятся на казенной землѣ и состоять въ вѣдѣніи попечительного совѣта объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи, Гуровичъ безъ колебаній опредѣляетъ положеніе этихъ учрежденій неблестящимъ. Причину такой безупрѣчности Гуровичъ усматриваетъ въ томъ, что непосредственные начальники колоній изъ нѣмцевъ принимаютъ только административныя мѣры къ сохраненію вида на порядка. По мнѣнію Гуровича, благодѣтельная цѣль колонизаціи евреевъ при такихъ условіяхъ нисколько не достигается. Необходимо радикально измѣнить весь жизненный строй земледѣльцевъ-евреевъ. Нѣкоторыя колоніи существуютъ уже 50 лѣтъ и, несмотря на столь почтенный возрастъ, ни въ какомъ отношеніи не подвинулись впередъ. Гуровичъ находить даже, что чѣмъ старѣе колонія, тѣмъ менѣе она соответствуетъ видамъ правительства, и опять таки выдвигаетъ просвѣщенныхъ раввиновъ и образованныхъ учителей, какъ единственныхъ лицъ, могущихъ

вызвать желательный переворотъ въ міровоззрѣніяхъ колонистовъ и обезпечить правильное воспитаніе юнаго поколѣнія.

Но возлагая всѣ упованія свои на будущее, Гуровичъ рисуетъ настоящее въ самыхъ темныхъ краскахъ. Такъ, напримѣръ, онъ съ грустью замѣчаетъ, что свыше 1000 поселенцевъ колоніи *Львової*, основанной въ 1839 году и лежащей при Днѣпрѣ въ 29 верстахъ отъ города Берислава, занимаются торговлей и ремеслами, странствуютъ по разнымъ мѣстамъ въ качествѣ разносчиковъ и коробейниковъ, отъ специального своего занятія совершенно отвлекаются и поля свои оставляютъ совсѣмъ почти необработанными. Характерно то, что, по словамъ Гуровича, молитвенный домъ въ колоніи Львової служить также пріютомъ для бродячихъ нищихъ, пребываніе которыхъ, да притомъ въ огромномъ сравнительно количествѣ, авторъ признаетъ нежелательнымъ въ нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. „Совершенній беспорядокъ въ хозяйствѣ“ Гуровичъ нашелъ также въ *Новомъ-Бериславѣ*. Правда, въ этой колоніи онъ натолкнулся на весьма ограниченное число евреевъ-хлѣборобовъ, лично занимавшихся земледѣльческимъ трудомъ, но за то его крайне поразило то обстоятельство, что „дѣвушки никакъ не заботятся объ усвоеніи знаній, необходимыхъ въ сельскомъ быту, а женщины занимаются только вязаніемъ чулокъ и на полевыхъ работахъ почти никогда не бываютъ изъ предразсудка, будто бы это неприлично еврейкамъ“. О *Бобровомъ-Кутѣ*, основанномъ еще въ 1808 году и состоящемъ изъ 1700 душъ обоего пола, Гуровичъ отзывается какъ о колоніи, безусловно несуществующей видамъ правительства, такъ какъ тамъ полевые работы производятся *небрежно* и сельское устройство находится въ крайне плохомъ видѣ. Между колонистами, воспитывающими своихъ дѣтей исключительно у меламедовъ, сильно развито талмудическое ученіе, поглощающее все время у своихъ послѣдователей и исключающее для послѣднихъ всякую возможность заниматься земледѣлемъ. Въ такомъ же точно положеніи Гуровичъ нашелъ и всѣ остальные колоніи, какъ

Большая Сейда—Менуха или Татарка, Малая Сейда—Менуха, Большой и Малый Нагартавы, Ефингаръ, Новополтавка, Ингулецъ, Излучистая, Новоподольскъ, Новоковна, Нововитебскъ и Каменка. Каждая изъ исчисленныхъ колоній имѣть видъ заброшенного угла, гдѣ оторванные отъ своихъ обычныхъ занятій евреи влачатъ самое жалкое существованіе. Достойно вниманія, что въ колоніи Романовкѣ Гуровичъ случайно узналъ о функционирующемъ тамъ вышеупомянутомъ талмудическомъ учебномъ заведеніи „Іешувѣ“, открытомъ и существующемъ въ зданіи молитвенного дома, конечно, безъ вѣдома колоніального начальства. „Цѣль этого заведенія—говорить Гуровичъ—чисто богословская; сюда собираются молодые люди изъ всѣхъ колоній и даже изъ ближайшихъ городовъ для получения высшихъ познаній въ талмудѣ. Для этого заведенія дѣлаются много пожертвованій колонисты и другіе набожные евреи изъ городскихъ жителей; собираниемъ-же пожертвованій занимаются состоящіе при заведеніи земледѣльцы, которые для этого безпрестанно разѣжаютъ по городамъ и колоніямъ. Сумма ежегодныхъ пожертвованій, сколько я могъ узнать, простирается до 3000 р.“. Такимъ образомъ, благодаря подобному порядку вещей, въ колоніи господствуетъ бѣдность, усиливающаяся еще потому, что „женщины не занимаются никакими работами въ надеждѣ на то, что сыновья ихъ, проводящіе цѣлые дни въ Іешувѣ, будутъ благословлены Богомъ и получать богатыхъ невѣсть. И вотъ молодые люди въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обременяются семействами, а дѣти ихъ остаются безъ всякихъ поятій о сельскомъ хозяйствѣ, хотя и родились въ колоніи“. Признавая, поэтому, подобное высшее богословское заведеніе не только бесполезнымъ для земледѣльцевъ, но даже вреднымъ и препятствующимъ успѣхамъ сельского хозяйства, Гуровичъ ходатайствуетъ о немедленномъ закрытія Іешузы.

Попутно Гуровичемъ были также осмотрѣны двѣ колоніи на владѣльческихъ земляхъ въ Бобринскомъ уѣздѣ. Первая, устроенная на земль маюра Винтеля, имѣть только, по словамъ Гу-

ровича, название колоніи. Въ ней все дозволяется колонистамъ: они могутъ заниматься чѣмъ угодно,ѣздить куда угодно, лишь бы владѣлецъ исправно получалъ свой оброкъ. „Изъ этого можно заключить,—замѣчаетъ Гуровичъ,—что земскій судъ, въ вѣдѣніи коего состоять владѣльческія колоніи, вовсе не наблюдаетъ за исполненіемъ правилъ, постановленныхъ на счетъ евреевъ-земледѣльцевъ. Все въ колоніи Винтеля въ разстройствѣ, никто не обращаетъ вниманія на полевые работы, дома почти разломаны и возлѣ нихъ нѣтъ ни одного дерева, дѣти небрежно одѣты и нечисты“. Совершенно противоположное впечатлѣніе произвела на Гуровича вторая колонія, основанная въ 1846 году Хаскелемъ Моргоновскимъ на купленной имъ землѣ для 40 еврейскихъ семействъ. Процвѣтаніе этой колоніи Гуровичъ приписываетъ, конечно, тщеславію основателя и погонѣ его за обѣщанной правительствомъ наградой, но тѣмъ не менѣе онъ считаетъ достигнутые результаты весьма утѣшительными и полагаетъ, что непосредственный надзоръ владѣльца-еврея за поселенными имъ единовѣрцами принесъ отромную пользу въ смыслѣ устраниенія всѣхъ условій, отвлекающихъ евреевъ отъ земледѣлія. Дома въ этой колоніи красивы и окружены садами, изъ коихъ особенно замѣчатель садъ колониста Абрама Кругляка со многими плодовыми деревьями и табакомъ. Садъ Кругляка доставляетъ ежегодно доходу до 350 руб. сер. Подобного явленія нельзя встрѣтить въ казенныхъ колоніяхъ“.

Подводя итоги всѣмъ своимъ наблюденіямъ, Гуровичъ останавливается довольно подробно на явной недостаточности физическихъ силъ у колонистовъ - евреевъ и объясняетъ это прискорбное явленіе своеобразной жизнью послѣднихъ, ни въ малѣйшемъ не соответствующей профессиональнымъ земледѣльческимъ занятіямъ. Съ одной стороны, колонисты - евреи предпочитаютъ благодѣтельство действующему на здоровье пахаря личному труду изнуряющее ихъ просиживание по цѣлымъ днямъ въ молитвенныхъ домахъ надъ талмудомъ и другими раввинскими книгами; съ другой

стороны, сильно препятствуетъ успѣшности полевыхъ работъ специфически еврейская одежда, такъ какъ большинство колонистовъ носить длинные кафтаны, затрудняющіе ихъ на каждомъ шагу.

Въ заключеніе Гуровичъ выступаетъ съ "проектомъ", имѣющимъ своей задачей способствовать приведенію колоній „въ благоустроенный видъ“. Сущность его проекта сводится къ открытію во всѣхъ колоніяхъ специальныхъ сельскихъ училищъ по особо выработанной имъ программѣ, назначенію образованныхъ раввиновъ, которые въ субботнихъ и праздничныхъ своихъ проповѣдяхъ внушали-бы евреямъ любовь къ земледѣлію, и созданію новой должности ученаго еврея, состоящаго при попечительномъ комитѣтѣ и обязаннаго слѣдить за упорядоченіемъ религіозныхъ и благотворительныхъ учрежденій колоній, а также за тѣмъ, чтобы колонисты относились сознательно и серьезно къ требованіямъ правительства. На ряду съ этимъ Гуровичъ предлагаетъ подвергать нерадивыхъ колонистовъ, успѣвшихъ въ теченіе десяти лѣтъ окончательно обнаружить свою неспособность къ земледѣлію и тяготѣніе къ мелочной торговлѣ, чувствительнымъ взысканіямъ, хотя-бы въ смыслѣ привлеченія къ рекрутской повинности, и устроить образцовую колонію для земледѣльцевъ, заслуживающихъ по трудолюбію своему поощренія и льготъ.

Какъ извѣстно, нѣкоторыя изъ предложеній Гуровича были впослѣдствіи осуществлены. Изъ донесеній Гуровича, посѣтившаго въ третій разъ єврейскія колоніи въ 1861 году, по порученію генералъ-адъютанта П. Е. Коцебу, для контроля введенныхъ улучшеній, видно, что правильное теченіе духовной жизни земледѣльцевъ-евреевъ обеспечено попеченіемъ стоящаго во главѣ колоній просвѣщенного раввина, а воспитаніе дѣтей ввѣreno образованнымъ и правоспособнымъ учителямъ. Очевидно, что если за истекшія 50 лѣтъ нравственная физіономія колоній нѣсколько измѣнилась къ лучшему, то въ данномъ случаѣ обѣ командировки Гуровича принесли существенную пользу.